

Я с грустью измеряю жизнь

Иванов Александр

Александр Иванов

Я грустью измеряю жизнь

«Издательские решения»

Иванов А.

Я грустью измеряю жизнь / А. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964495-4

Книгу вроде положено предварять аннотацией, в которой излагается суть содержимого книги, концепция автора. Но этим самым предварением навязывается некий угол восприятия, даются установки. Автор против этого. Если придёт желание и любопытство, откройте книгу, как лавку, в которой на рядах расставлен разный товар. Можете выбрать по вкусу или взять всё. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-964495-4

© Иванов А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	7
Стихи	8
Я грустью измеряю жизнь...	8
Вечер. Закат	9
Ты так прекрасна	10
В сочельник	11
Вот, кажется, сейчас...	12
Любовь до гроба и выше	13
Staccato!	14
Походя	16
Когда-нибудь...	17
Крымск	18
А в сущности, и не было любви...	19
Угадайка	20
Свидание	21
Альтер-буки	23
Очи	24
Бубен	25
Лилла	26
«Порвалась связь времён...»	27
Осень, листья...	28
Феномен	29
Крокодила с человеческим лицом	30
Осенний долго длится век	31
Пространство било...	32
Я душу свою раскрыл...	33
Чу!	34
Улица... Фонарь... Аптека	35
Разрушилась мечта...	36
Снег безмолвия, забвенья...	37
Никто не знает...	38
Между нами...	39
Бессонница	40
Рассвет	41
Дома-корабли	42
«Зачем ты меня ударил?»	43
Ангел	44
Гора	45
Грачи	46
Глазами, полными любви...	47
Мечта	48
Совсем не жаль и не обидно...	49
Голый король	50
Зеркало	51
Овраги, враги, баррикады	52
Лоскуты	53

Конец ознакомительного фрагмента.

59

Я грустью измеряю жизнь

Александр Иванов

Корректор Сергей Ким

Дизайнер обложки Мария Ведищева

© Александр Иванов, 2019

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4495-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

*Вокруг так много клоунов, что становится грустно.
Из газет*

Я психотерапевт. Средствами своей души я помогаю своим пациентам, средствами своего творчества я помогаю своей душе. И если я начал печататься, то я стал открытым для общества, и это стало ещё одной темой для духовных уроков.

Меня могут некоторые упрекнуть, что в моём творчестве много грустно-печального или, как говорит сейчас современная молодёжь, депрессушного. А вы почитайте А. С. Пушкина, сколько у него депрессушного: прощание с природой, унылым уголком, друзьями, жизнью... и голос мой не будет боле слышен...

Может быть, поэт как раз и канализировал депрессию через свои стихи. Я не хочу становиться даже в дальний ряд с Александром Сергеевичем – Боже упаси! – но, может быть, и у меня приблизительно такой случай. Кстати, а вы много ли слышали веселых романсов? Возможно, что и грустно-печальное интерферирует, как говорят физики, в печально-светлое.

Грустно-печальное не может обойтись без темы смерти и одиночества. По поводу смерти у меня есть библейская парафраза: смерть – это мерило жизни, а если у нас не будет мерил, чем мы жизнь померяем?

Принятие смерти и, как для людей моего возраста, предопределение смерти с представлением страданий близких при наступлении оной – это тоже тема духовных уроков для обеих сторон. Без знания этого никуда не деться. Вспомним Екклесиаста: «...живые знают, что умрут, мёртвые ничего не знают».

Про одиночество коротко, одной строкой. Одиночество для многих всегда, почти всю жизнь – проблема номер один.

Аристотель писал о катарсисе – очищении через трагедию. Может быть, через грустно-печальное очищается не только пишущий, но и читающий. И напоследок:

...Пока, мой друг, пока,
Сниму с души оковы,
И кланяясь слегка,
Вернусь в свои покои.

Автор

Стихи

Я грустью измеряю жизнь...

В груди сосало что-то
Тянущаяся тоска,
Одиночество постылое
Или грусть застылую.

Эй, прохожий
С ухмыляющейся рожей!
Дай понять,
Как память унять!

Я грустью измеряю жизнь,
Что не имел и не давал,
Люди идут всё мимо,
А я спросить хочу:
– Как жить душе без грима?

Эй, кто-нибудь!
Скажите что-нибудь!
Идущие, стоящие,
Быть как простым и настоящим?

Я грустью измеряю жизнь,
Не нужно никому её итожить,
Такой я жизнемер, и что же?

Вечер. Закат

Вечер. Закат. Всё оцепенело,
Прощаясь с светилом.
Блики заката играют
На слюдянистых крыльях стрекоз,
Тени деревьев уходят вглубь,
Прощаясь с прошлым.
Дым от костра подымается
К небу светлым столбом.

Ты так прекрасна

Ты так прекрасна, юное дитя,
Вобрав в себя всю прелесть,
Ты стала новой формой бытия,
Соединив всё сразу – юность, зрелость.

К тебе душой и телом я тянусь,
Но останавливает что-то,
Нельзя сказать, что я боюсь,
Но наблюдает внутри меня кто-то.

А впрочем, так живи,
А жизнь моя пойдёт округой,
И ты фигурой своей особокруглой
Во мне желаний не буди.

Пусть они тихо засыпают,
У каждого своя судьба,
Снежинкою надежда тает,
Ей в небо не вернуться никогда.

Я тихо сяду у камина,
В огонь уткну свой длинный нос,
А жизнь идет всё мимо, мимо,
И я больной и старый пёс.

А что осталось?
Пренебрегать усталостью,
И наперекор судьбе
В последний миг махнуть рукой тебе.

В сочельник

Я с сомнением вышел из дома,
Без ритма скрипит снежный наст,
Я как будто не вышел из комы,
И чудится мне чей-то глас.

Деревья снегом небрежно побелены,
Вокруг стоит тишина,
Внутри на меня нацеленно
Идут неслышные слова.

Они не оттуда, где звёздная кучность,
Где эфир стремительно туг,
И не оттуда, где чёрные тучи
Рождают сонмище пьяных выюг.

Вот сумерки, снег, дорога,
И кажется, у начала дорог
Дом мой стоит бело-строгий —
До основания в стужу продрог.

И от этого простуженного дома,
Наперекор стеклянной стуже,
Из окна тёплый свет пошёл истомой,
Зная, что он кому-то нужен.

И звоном напоминалась стужа,
Земли обнажилась краса,
Вдруг я из ниоткуда
Услышал простые слова:

«Если идёшь, человеке,
То куда ты идёшь?
Ведь в суетном своём веке
Без дома своего пропадёшь».

Вот, кажется, сейчас...

Вот, кажется, сейчас, вот что-то будет,
Накроет нас бушующий вал
И что-то сбудет,
Разрушит мифы дня,
Перевернёт сознание,
И на обломках знания
Появятся иные имена,
Но нет, всё это было, было,
И истина, как сивая кобыла,
Всё брешет до утра,
А впрочем, друг, пора, пора,
Покоя сердце не просит,
Но нас неумолимо сносит
В ближайший омут забвения,
Где тайны, как сомы большие, бродят,
Но не поймает их ни ты, ни я.

Любовь до гроба и выше

Я, наверное, скоро умру,
В путь далёкий пора готовить торбу.
Что я с собой возьму?
Только то, что не натрёт горба.

Светлую радость, кому помог,
Надежду близких во всём, что смог,
Души своей продвижение
И, может быть, воскрешенье.

Я знаю, что буду светиться там,
Но не будет хватать мне света,
Там на земле без ответа
Будет лучшая из Прекрасных Дам.

Поэтому, Господи, я прошу,
Когда будет заканчиваться её жизни круг,
Следами путанными, как в порошу,
Дай телеграмму ей: «Не спеши, ждёт тебя твой супруг».

Там в звёздной тиши,
Где мороз пробежит по исчезающей коже,
Напоследок дайте мне прокричать:
– Я люблю её, Боже!

Staccato! РЭП

Кот к стене отвернулся,
Видимо, жизнь идёт не так,
А кто-либо знает правильной жизни такт?

Припев: Так-то, так-то бьёт staccato,
Прибежали чилдринята —
Тата! Тата! Нам не надо moderato!

Мы меняемся в жизни,
Жизнь меняется так и так,
И если тебя разлюбили – полный крах.

Так-то, так-то бьёт staccato,
Прибежали чилдринята —
Тата! Тата! Нам не надо moderato!

Если тебе показалось —
Жизни твоей наступил крах,
Это не значит, что понесли твой прах.

Так-то, так-то бьёт staccato,
Прибежали чилдринята —
Тата! Тата! Нам не надо moderato!

Живые не знают правильный такт,
Мёртвые ничего не знают,
Просто лежат вот так.

Так-то, так-то бьёт staccato,
Прибежали чилдринята —
Тата! Тата! Нам не надо moderato!

В наших душах мерзлота,
Может быть, мелодия не та?
А вокруг-то красота, красота.

Так-то, так-то бьёт staccato,
Прибежали чилдринята —
Тата! Тата! Нам не надо moderato!

Тра-та-та, тра-та-та,
Вот мелодия та,
Тра-та-та, тра-та-та,
Мы возьмём с собой кота.

Походя

Всё! Словно пистолет плюнул пульей в воду,
И сразу в полотнище времен вонзился миг,
Как будто непонятное мне изменение Вуду
Раскрыло горла моего неизмеримый крик.

Последних мыслей всплеск, как блики мозга,
И тело стучит, как брошенный пятак,
А в сущности, и жить уж невозможно,
Но тело не хочет признать это никак.
Я против этого, пропади оно пропадом,
Чтобы тело цеплялось за жизни кромку.
Я бы хотел, как бы это сказать... походя
В измеренье другое перейти без ломки.

Когда-нибудь...

Когда-нибудь в осенний тёплый вечер
Мы, может, встретимся с тобой,
Непроизвольно вздрогнут плечи,
В работе сердца вдруг возникнет сбой.

В душе раздастся хор,
Обрушатся воспоминанья,
И под дирижёрской палочкой в одно касанье
Сойдут снега с высоких гор.

Наверное, сказать мне легче,
Что будто я тебя любил,
Но, в сущности, в один весенний вечер
Мой ангел образ твой сотворил.

И было то сотворенье мне уроком,
Чтоб дать, потом отнять,
Чтоб с жизнью я определился сроком
И знал, что мне ещё страдать.

Когда-нибудь окончится печальная страда,
Страданья листьями осенними опахнут,
Былые увлечения окажутся обманом,
Не будет лишь обманом надпись на могиле: «Никогда».

Крымск

Крымск! Словно чуждое рыло
Из смеси горя и ила,
Мирную жизнь разрушило вдрызг.
Дети, старики и животные,
Сможете ли подать ноту вы,
Если погибли и не можете поднять головы?
Кому подать, кому понять?
Ездят, летают, лезут в души без мыла,
А собственные души бескрылы.
Прилетели, погундели, вроде бы при деле.
Горе над Крымском, никто его не рассеет.
Горе стоит над всей Рассеей.
Окстись, Россия, воспрянь от сна,
Ведь сколько было крымских уроков
И сколько будешь ты терпеть уродов,
Стремящихся к власти без конца?

А в сущности, и не было любви...

Романс

А в сущности, и не было любви,
Был лишь момент проникновенья,
Когда казалось, что мгновенье
Остановилось навсегда.

Ещё впивались жадно губы,
Но жар полуденный остужен,
И жизни круг мой сужен
До обручального кольца.

Проходит невозвратно жизнь,
Уходят в Лету грёзы,
Невидимые миру слёзы
Напоминают о былом.

Стоит осенняя пора,
Идут дожди воспоминаний,
И исполненья всех желаний
Теперь не будут никогда.

Угадайка

Вот что было,
Или сказка, или былька,
Ехал Ванька куда-то
На кобылке Угадайке.

И спросили Ваньку:
– Ты куда-то?
И ответила лошадка:
– Угадай-ка.

Что ни спросят Ваньку,
Угадайка, как встанька,
Ржёт поперёд Ваньки:
– Угадай-ка!
Вроде бы кобылка,
А сама лукавка,
Что у ней в башке?
Угадай-ка!

Свидание

Я пока в сырой могиле лежу,
И представьте, мне не так уж и холодно,
Я не прошёл между жизнью и смертью межу,
И самое главное, что мне не голодно.

Мимо меня люди идут,
Между нами в основном бомжи,
Они, собственно, никого не ждут,
А я жду жену свою, Боже мой!

Вот к моей могиле подходит она,
Грустная, печально-заплаканная,
Чувства её не испиты до дна,
А я в нетерпенье, как в алканье.

Мысленно говорю ей: «Печаль оставь,
Я здесь у себя дома,
Главное, скажи, как воды состав,
И ловит ли кто большого сома?»

Она сквозь слёзы: «Юра поймал сома,
Но больших, чем ты ловил, никто не ловит,
Я видела сама,
И никто не прекословит.

Ты лучше скажи, как там тебе,
Одиноко, земля не давит ли?
Ты нынче привиделся мне во сне,
Будто скатерть какую-то мы расстилали.

Разостлать вроде разостлали,
Гости собрались уж все,
А ты рукой мне машешь вдали,
Я лишь, мол, только во сне.

Собака Машка по тебе скучает,
Грустную песню воем вьёт,
А потом выть перестанет,
Ляжет на перекрёстке и просто ждёт.

Хотела сказать – береги себя,
Да уж некуда,
Мне же жить без тебя
Негода».

Климат вокруг меня становится суше,
Глуше к могиле шаги жены моей,
Только у нас на одной шестой суши
Могут быть чувства сильнее.

Альтер-буки

Из отверстия рта полились звуки,
И дикий вопль превращался в альтер-буки.
Альтер-буки пространство дырявили,
Доходили до самого космоса
И своими лохматыми космами
Вселенной загадок дыр явили.

Очи

Между мауровой ночью
И рассветом сусальным
Вышли вдруг Очи,
И спросили их:
– А вы ничего не видали?
– А мы ничего не видали,
Мы спали, мы спали.
– А как же дальние дали?
– А мы их подальше послали.

Бубен

Память пустыня разводит,
Ударяя в бубен,
Кто-то вечно с кем-то будет,
А кого забудут.

Бум! Бум! Стучится бубен
В мысль пустынную,
Что-то будет, что-то будет,
Будет с жизнью иное.

Дует ветер, ветер дует,
Покрасневшая луна,
Мыслей чувств вьюном закружит
Неспокойная душа.

Скоро в дело, скоро в поле,
В неизвестность пулей я,
Что же так застужена
Покрасневшая луна.

Через реки, буераки
В неизвестность пулей я,
И мне непонятно,
Где враги, а где друзья.

И лечу я в непонятье,
Только слышу бубен я,
И бубнит он внятно:
Пулей поле пролететь нельзя.

Лилла

Закрыта моя душа,
И нет у неё прихода,
Хотя сейчас такое время года,
Что только жить поспешай.

Солнце пространство живым светом залило,
Морзянит о радостной вести капель,
Космическая игра Лилла
Входит в животворящую купель.

Фибры души моей открылись,
И смысл жизни открылся тотчас,
Когда на меня разом с неба спустились
Грустный мой час рождения и смерти весёлый час.

«Порвалась связь времён...»

Быть может, неловко и нескромно,
Но обращаюсь к вам, живущим после:
– Оставьте записи мои в последующие годы,
И может быть, замкнётся связи имён.
Вот вам начало – образовалась связь времён,
Меня уж нет, но в то же время в нём.

Привет, привет вам, правнучка иль правнук,
Пишу вам на закате своего дня,
А вы, любя и никого не проклиная,
Продолжите стихотворенье за меня...

Прошло уж много лет, минуло лихолетье,
И вновь образовалась связь времён,
И неизвестно, кто, кто в нём?

Превед, превед, далёкий прадед,
Жизнь пьяная, как проститутка, шла,
Ты извини, что рифма шалая,
Но всё же до тебя дошла.

Прости, прости, далёкий прадед,
Наверное, ты шалунишкой был,
И в той ли ты семье свой след оставил?
И внуков тех ли ты благословил?

Тогда не делали анализ ДНК,
Сомнения порой решал лишь пистолет,
В наследственности сплошная мутота,
Но был же след, был след!

Я тоже след хотел оставить,
И быть хотел как captain Grey,
Не получилось, прадед, я просто гей,
И в родословной пора точку ставить.

Как у Шекспира – порвалась связь времён,
История была, но нет уроков,
Дуй, ветер, дуй, пока не лопнут щеки.

Осень, листья...

Осень, листья, зябь на лужах,
Пожелтевшая река,
Никому ты здесь не нужен,
Не придёт никто издалека.

Холодно. К дверям стремятся кошки,
Лишь бы дров хватило как-нибудь,
Что-то на душе мне тошно,
Не пора ли мне в последний путь?

Затоплю я раньше печку,
Тепло комнатные сумерки насытит,
На душе мне станет легче,
Мелкий дождь на крышу сыплет, сыплет.

Мелкий дождь на крышу сыплет,
Унося тревогу,
И готов я, Боже, в дальнюю дорогу.

Феномен

Вот феномен, когда к окну чужому
Прижались горестные плечи,
И череда противоречий
Водоразделом возникла вдруг.

Там за окном все за столом,
Жизнь настоящая – тепло, светло,
Снаружи темнота и стужа,
А здесь ты никому не нужен.

Уходишь осторожно от окна,
Хотя тепла тебе не перепало,
Но появился шанс, не малость,
Увидеть будущее у неизвестного окна.

Крокодила с человеческим лицом и ослиными ушами

Я соскабливаю копоть веков,
И в удивлении у меня вспархивают веки:
– Как это мы жили без духовных оков?
Неужели мы недочеловеки?

Широко шагая, заглатываем жизнь на шару,
Неуёмным поездом её выедем,
А надо – крокодилом проползём по земле-шару,
Но никогда не вырем мы.

И по Земле пошла человеко-крокодила,
И, раскачиваясь пошло,
Она ещё пока далеко не ходила,
Жирные её бока.

Эта человеко-крокодила росла, росла,
Смрадом дыша и всё руша,
И не заметила она,
Что её уши стали как у осла.

Конец истории этой прост,
Крокодила, став удугой,
Вцепилась в Землю-шар по кругу
И с жадным взором вперилась в свой шевелящийся хвост.

Увидел это Бог со своего крыльца:
– Ну не может быть она такую дурой?
Но крокодила, не почуяв своего конца,
Начала заглатывать свой хвост с натугой.

Осенний долго длится век

Осиную песню поёт вечер,
По листьям, как по опавшим дням, иду,
И опускаются ко мне на плечи
Века мои, и я под тяжестью бреду.

Что жизнь так безвозвратно тянется,
Словно вода льётся из клейкой лейки?
Запутанным узором вяжутся
Фантазии, идущие ремейком.

Я в мелодию воспоминаний вслушиваюсь,
Как внюхивается в запахи пёс,
И кажется, меня недослушали,
Или я чего не донёс?

Осиной песней льётся осень,
По листьям, как по опавшим дням, иду,
К какой-то необъятной цели я всё бреду.
Иль я в бреду? Бреду в бреду.

А может, мне всё это снится,
И рыжей осени ресницы,
Порфиновый её убор,
Её неясный, но светлый уговор.

Пространство било...

Пространство било ознобною лихорадкою,
Просачивались в пространство беззвучия плоскости,
Нахально зияла чёрная дыра,
И вдруг, вопреки заскорузлой косности,
Родилась и зазвучала сверхновая звезда.
Звук звезды был пронзительно светел,
И Бог над ней был до шепота трепетен.

Я душу свою раскрыл...

Я душу свою раскрыл, чтоб
В душу проникла с неба
Хотя б одна нота,
Но сверху голос идёт: «Квота!»

Как невеста ждёт жениха,
Спешно чертоги свои готовит,
Так и я будто бы впопыхах
Пытаюсь стихи свои моторить.

Подталкиваю их вперёд:
– Ну давайте же, заводитесь!
А они: – Ход заглох, сдох ход,
Не сердитесь.

Я тыкаюсь, как кутёнок,
В титьку Жизни хочу попасть,
Но чувствую я отстранённо —
Будет ночь, когда мне не спать.

И тогда откроются все границы,
Смоются гримы ночи и дня,
И я, даже не будучи принцем,
Буду играть роль короля.

Чу!

Чувства настороженные, как птицы,
Из пересечения взглядов, глаз
Должны бы перелиться
В звучащий под сурдинкою экстаз.

И муки мук глухонемого
С закрытою печатью на устах,
Познавшего и испытавшего так много,
В мечтах сказать бы только: «Ах!»

Ах! Вошел в иное измененье
И ахнулся об пересечение времён косяк,
У них, у женщин, другое измеренье,
И чувства у них в ветвях.

Не спрашивай. Что я тебе отвечу?
Задуло ветром мои свечи,
Ты видишь, уже вечер,
И смерть крадётся. Чу!

Улица... Фонарь... Аптека

Март. Начинаю рифмовать.
Весна... шампанское... кровать.
И это дело всегда каналю,
И не нужна мне рябь канала.

Начнём сначала. Улица... путана,
Всегда как тайна, и неожиданна,
Круговерть от века,
И мне пора в аптеку.
Всё повторится вновь,
Пока играет кровь
И будем цепь у человека,
Улица... фонарь... путана и аптека.

Разрушилась мечта...

Разрушилась мечта, вернее,
Не мечта, а представление,
Когда казалось, что мгновенье
Вновь повернёт всё навсегда.

Пришла сырая явь,
Беззубая, с вычурной причёской,
С мышлением, вычёркивающим «Я»,
Упёртым, косным.

«Я», собственно, и нет
И жизни прошлой тоже,
В мозгах разрозненный букет
Чувств глупых и ничтожных.

Снег безмолвия, забвенья... Реверберация

Снег безмолвия, забвенья,
Буду слушать я тебя,
Оборвались звенья,
А забыть нельзя.
По нехоженому насту
Мне заказан путь,
Впереди ненастье,
Некуда свернуть.

Снег всё сыпет, сыпет,
Прошлого следы покроет,
Только память это не засыплет,
Будет биться под покровом.

Весна шалая наступит,
Бросит зелень на луга,
Память, баба в ступе,
Не унимется никак.
Будет нюхать, будет летать,
След не может взять,
И не знает – скоро лето,
Всю траву в стога стягать.

И стоят стога сторожевые,
Смотрят, что нельзя,
Память как бы строгая
Прячет, ищет самое себя.

Никто не знает...

Никто не знает, как писать стихи,
Проси – не проси Богородицу.
Это будто порыв стихии
Или просто как котята родятся.

Здесь есть какое-то чудо,
И ты как будто и ни к чему.
Ритм и слова берутся откуда?
И сам обращаешься ты к кому?

Я понял, что пишу для себя,
Не нужен мне нудный критик,
И, ткань стихов своих теребя,
Я сам для себя аналитик.

Когда догорит мой костёр в темноте,
Седая зола и угли осядут,
Стихи мои в забвенье
Кольцами дыма на землю лягут.

Между нами...

Романс

Между нами стена высокая,
Которую мы построили сами.
Между нами открытая дверь,
В которую мы стучим кулаками.

Между нами пощады нет,
И каждый считает раны.
Между нами прощенья нет,
И один другому кажется странным.

Между нами большие леса,
В которых заблудиться можно.
Между нами нейтральная полоса,
Которую перейти невозможно.

Прямые параллельные линии
Сольются где-то в беспечности.
Две наши грешные души
Соприкоснутся в вечности.

Бессонница

Я нехотя ложусь в свою постель
И знаю – придёт моя «поклонница»,
И точно – словно из стен
Классною дамой выходит Бессонница.

У изголовья кровати она становится,
И как только начинаю засыпать,
Вот эта самая сухая Бессонница
Сквозь зубы цедит: «Не спать. Не спать!»

Я в адовой муке мечусь
И спрашиваю: «Какая тебе награда?»
Она, в голосе не изменившись ничуть,
Мне отвечает: «Так надо. Так надо».

Я вспомнил: чтобы врага победить,
Надо из него сделать друга,
И дабы это в жизнь претворить,
Позвал её: «Слушай, иди сюда, подруга!»

Мы в бешеной скачке неслись
Навстречу красной заре экстаза,
И когда наши тела её прошли,
Я восхищенно воскликнул: «Какая баба!»

Утром проснулся – она рядом лежит
И уже ничем не беспокоится.
Видимо, я её «бес» лишил,
И стала она томною «сонницей».

Рассвет

Самое чистое время – рассветное,
Когда ещё не проснулась река.
В воздухе висит что-то Заветное,
И тихо внемлют ему берега.

Солнце красным лес мазнуло,
И не стало той Заповедности.
Рыба сонно в реке плеснулась
И разбила зеркало
Ветхозаветное.

Дома-корабли

В ночи дома застыли, как корабли,
Навечно якоря свои опустили
И, чувствуя прочность земли,
Окна свои засветили.

Но вот они про якоря забыли
И, не шелохнув и пяди земли,
Вверх плавно поплыли,
Как воздушные корабли.

Люди в домах окна раскрыли
И, видя планету свою отстранённо,
Ещё больше её полюбили,
Пронзительно и откровенно.

Так и плывут они в домах всё выше,
Вот уже миновала нейтральная полоса,
Из раскрытых окон слышны
Их перламутровые голоса.

«Зачем ты меня ударил?»

Когда Христа били в доме Каифы,
И был он в терновом наряде,
Юношу спросил он, родом с Коринфа:
«Зачем ты меня ударил?»

Может, Христос не говорил этих слов,
Вопрос этот был во взгляде,
Юношу потряс он до самых основ:
«Зачем ты меня ударил?»

Этот юноша потом праведно жил,
Помня учителя, который был рядом,
За вопрос всю жизнь его благодарил:
«Зачем ты меня ударил?»

Христос более чем заповеди нёс,
Если мог выразить взглядом
Тот сокровенный вопрос:
«Зачем ты меня ударил?»

Ангел

Ты положила голову ко мне на колени,
Я тихо глажу твои мягкие волосы,
Сколько в этом доверия, сколько неги,
Мы молчим с тобой в два голоса.

Кажется, ангел к нам опустился,
Крыльями нас прикрыл,
Наверное, хочет с нами проститься,
Но не хватает ему для этого сил.

Он знает, что в его небесной волости,
Где нет, кажется, никакой и нужды,
Никому не погладит он волосы,
И, в сущности, никому он не нужен.

Я тихо глажу твои мягкие волосы,
Ангел уже улетел,
Поднимаясь над земною порослью,
Грустный взмах крыльев его прошумел.

Гора

По горе взбирался вверх,
И вдруг увидел в нише —
Прикованный стоит человек
Из разряда погибших.

Губы и руки его дрожали,
И он уже совсем сник,
И люди не знали,
Что делать с ним.

Я с горы сбегая,
Кричу: «Решенье примите!»
– Какое? – «Я знаю!»
Отпустите его, отпустите!

Оботрите с него пот и кровь,
В душу его загляните,
Дайте ему шанс жить вновь,
Отпустите его, отпустите!»

Грачи

Стая грачей на дерево опустилась,
Как нерешительные руки пианиста,
Вечернее небо их хриплый крик преобразило
И отпустило печально чистым.

Этот звук ещё долго носился
Грустным эхом над лесом.
Потом у реки опустился,
Окончив свой путь небесный.

Грачи этот звук услышали
И удивились очень,
Вдруг неожиданно добрыми стали
И пожелали друг другу спокойной ночи.

Глазами, полными любви...

Смотреть глазами, полными любви,
На всех и на себя – как это трудно,
Когда твердят занудно,
Что о любви не говори.
Покрыта, мол, душа твоя коростой,
И что не может выдать она чистых звуков,
А как всё в жизни просто,
Когда мы скажем фразу: «Ну-ка!»

За этим «Ну-ка!» произойдёт разлука,
Все вины гирями повесят на меня,
Затем беззубая старуха по имени Разруха
Придёт, шепча проклятья про себя.

Я эти наваждения отрину,
И никогда я не «пойду на вы».
И Бог посмотрит на меня без укоризны
Глазами, полными любви.

Мечта

Жизнь моя неприкаянная,
Видимо, так сложилась судьба,
Морда у меня всегда в окалинах —
Габаритами не прошла.

Габаритами не прошла никак
В эту жизнь несусветную,
Наверное, живу не так,
Осталась только мечта заветная.

Осталась только мечта заветная —
Будто люблю я всех,
И люди ко мне приветливы,
И не разделяем мы их на тех и не тех.

И не разделяем мы их на тех и не тех,
Потому что всех нам жалко,
И тогда под радостный смех
Вытащили из душ своих жало.

Вытащили из душ своих жало,
И нам истина жизни открылась,
Словно подняли мы старое покрывало,
И дитё прекрасное нам явилось.

И дитё прекрасное нам явилось,
И сразу умолкли другие звуки,
И сквозь лепет его проявилось,
Что никогда не будет разлуки.

Что никогда не будет разлуки,
Что нет разделенья на «ты» и «я»:
Если ты ко мне простираешь руки,
Значит, я не могу без тебя.

Совсем не жаль и не обидно...

Совсем не жаль и не обидно,
Что жить бы по-другому мог.
Наверное, сверху видно,
Что в жизни что-то смог.

Я бы прожил ещё лет сто
В моём ближайшем поколенье,
Но память-судья сядет за стол
И вынесет вердикт забвения.

Солнце жизни моей заходит,
Я знаю, что это приму.
Смерть где-то близко ходит
И игриво кричит: «Ау!»

Но пусть подождёт «косая»,
Пока кубок любви допью
И, бумаги пером касаясь,
Душу свою изолью.

Голый король

Король правит у нас долго,
короля одевают в одежды светлые
и поливают его елеем не еле-еле,
а у народа тернистый путь,
на пути его много печали и боли,
но тут мальчик провозгласил:
– А король-то голый!
И на лице короля в телевизоре
в предновогоднюю ночь
присобачил ему усы
и получилось точь-в-точь.

Зеркало

В зеркало глядя, старым себя не вижу,
вот смотрит вроде взрослый дядя,
вполне приличный и не старый по виду,
а когда на фотографии или ловишь отражение
своё случайно,
становишься старым, как ни странно.

Видимо, душа ещё не состарилась,
накладывает прежний портрет на новый,
и хотя эта защита белыми нитками шита,
но выходит теперешний портрет обновлённым.

Овраги, враги, баррикады

Страна раскололась, как грецкий орех,
Но половинки не стали равными,
Пропаганда включила красный цвет,
И люди стали разными,
Пропаганда расползается ядом,
И эта чума не миновала наш дом.
Прошрое, настоящее видится в разночтении,
Ранее близкие становятся чуть ли врагами,
Господи! Какими оврагами нас развели в предпочтениях.

По разные стороны оврага стоим, кричим,
Криками хотим добить супостата,
Внизу весёлый ручей журчит,
Но мы не видим, злоба подпитывает свой достаток.

А если баррикады появятся вместо оврага,
И власть, себя сохраняя, будет только и рада.
Скомандует: «Там враги, и по ним пли!»
Тогда раздадутся стоны и вопли.

Господи! Помилосердствуй и охрани Россию,
Не допусти, чтобы тело её распалось,
Чтоб не разъединились сочленения её.

Лоскуты

Ах, осколки, убийственно вас сколько!
И прекратите вы полёт во сколько?

Я иду, траву сминая,
Вот такой высокий,
А в душе моей басы:
– Лет тебе уж сколько?

Мебель к стенкам жалась,
Жизнь жила и не тужила,
Ну а мне всё это не в жилу,
Мебель только жалко.

Я надеюсь, что это не избитое?
А впрочем, били и меня.

Мы в светлом дне
О чём-то светлом грезим.

И когда кульбитом перевернётся жизнь,
Голосом хочу сказать обыкновенным:
– А ты за жизнь не держись,
Всё это временно.

Из дома выхожу большой, великий,
И главное, чтоб никого не задавить.

Тогда заплакали вы,
Но было поздно, я вещи уложил.

От холода не защитила простыня,
И я простыл,
Сказала простыня: – Прости.

Круче и крепче, чем крепость,
Казался блистающий бюст.

Не говори, что встретились случайно,
А я скажу, что тихое молчанье,
Тянущееся из года в год,
Готовило и этот ход.

Когда уж волчьей страсти не унять,
Овечки кажутся врагами.

Господи, кто тут был?
Был ли Илия?
И когда в эту жизнь входил,
Был ли я?

Говорят, что я недоношенный,
А меня к хорошей жизни несли?
Я со своими стихами
Как беспокойный покойник под льдом,
Медленно проплыву под вами,
А вы в проруби оттолкнёте меня багром.

Ты ко мне прислонилась
Большим печальным задом.

Вы помогли мне, небеса,
И облаками я обласкан.

Напрягая души жилы,
В время всматриваюсь я,
Есть во мне большие силы,
Но зачем готовится по мене кутья?

Когда никто не приходит,
Капля дождя в ладонь стучит.

А линия одна – марьяж,
И песнь душевная, и жалобы, и слёзы,
Когда всё, кажется, серьёзно,
И чувства все бегут в всеиспепеляющий раж.

Память у меня хорошая,
Ещё помню, что я забыл.

Вот, собственно, вся жизнь,
И в ожиданье счастья ушли годы,
В окно и дверь стучат все непогоды...

Лодку движут вёсла,
Человека – крылья...

Закружило меня в водоворот:
– На каком вокзале я?
Где у вас переход?
– Перехода нет – последняя станция.

Туда ли дует ветер,
Где заканчивается чувств глубина,
Где в подвенечный вечер

Открывается бездны мгла?

Тихо и незаметно пролетают ангелы мимо,
Когда братия праздника отмечает пышно.

Истина не в пещере Платоновой,
Жизнь в круговерти кружевной.
Вот идёшь по аллее платановой,
А истина в окошке суженном.

Когда взошёл на пьедестал,
Себе дорожке вдвое стал.
Если ты прав,
Не доказывай свою правоту,
А если не прав,
Против ветра не дуй.

Жизнь ромбами стелется
И так, и так,
А из-за поворота целится
Зигзаг, зигзаг.

Ничего не желать, не иметь,
Крыльями эфирными взмахивать.

Я сижу у реки, грустно мне,
Не нужны мне предсказания кукушки,
В вечерней нарастающей мгле
Слышатся томные стоны лягушек.

Тысячи лет ты будешь своей,
В архетипах Акимы многим явишься.

Внутри меня что-то зреет,
Как облако в небе иль яблоко в саду.

Сдаётся мне, что сейчас
Я возьму главный приз,
А на аукционе кричат: – Продано!
И откуда-то снизу противный визг:
– Помирать уже подано!

Я каждый миг как камень кладу в брусчатку,
Чтобы выровнять Душу свою по вертикали.

Вопрос «Есть Бог или нет?»
Висит над людьми как крест,
А я, не отнекиваясь,
По-солдатски отвечу: – Есть!

На перроне стою один,
Ветер сбивает меня с пути.

Пространство, настоящее на звёздах,
Обняло Землю, и вострепелась атмосфера,
И ожила Земля.
Вот и всё, наступил жизни край,
Осталось только пройти немного,
Может быть, через эту дорогу,
И сразу отверзнется рай.

Бывают в жизни такие минуты,
Когда радость расплавляет грудь...

Волны стихают в сознании,
Свободном от мыслей и грёз,
Душа, как ровное пламя свечи
В доме, где не гуляет ветер.

Дождь идёт тихо, задумчиво,
Терции звучат монотонно.

Заснули уставшие плечи,
И голова упала, как камень
В какую-то тёмную глубь.

Я тебя согреваю мыслями,
А не только руками,
Словами своими белобрысыми,
Неуклюжими, как камень.
Ветер пробежал свободы,
Вокруг всё круша,
Ах, хорошо! И жизнь хороша!

Бог сделал всё прекрасным,
Но отчего болит душа?

Мы по краю неба пройдем,
Светлые, поднебесные,
И тогда, равнобесные,
До себя снизойдем.

И старость нужно принимать,
Как нищий корку.
Распластанные ветви деревьев
В воздухе ищут спасенье,
И звучит в этом древнее:
«Освобожденье! Освобожденье!»

Она появилась в проломе дня
С грустным изгибом тела.

Ветер пал под натиском ночи,
Ночь темна, но рассвет уже точит
Заботы нового дня.

Я, наверное, никому не нужен,
День полотна скручивает в вечер,
И в предстоящей той вечности
Будет та же глухая стужа.

И кажется, сейчас забывается
То, что, может, и не было.

Она такая чистая и ничего не читала,
Только Солнце и Небо за Господа почитала.

Я перед иконой не молюсь
И не прошу продлить мне жизни...
Нет, кто что ни говори,
Есть женщины – одно блаженство,
А может быть, и совершенство,
Но голос тайный говорит мне: – Зри!
Всё запуржило, запорожило,
На полустанке осталась одна.

А вы, мысли, идите, идите,
Я вас тоже немного знаю.

В сущности, я злодей,
Рыло бы мордой прикрыть.

Какие могут быть дела,
Когда в фате деревья?

Я в мелодию трепетно вслушиваюсь
Чувств былых, почти позабытых.

Я погружен в сиянье утра,
Она идёт со мной.

Когда с гармонией сверяясь,
Отбросишь тварной жизни хлам...

Ты вспомни обо мне,
Когда тебе ничем я не обязан.
На самом деле не безделье,

Работа подспудная идёт,
И в подсознательном хотенье,
Упрямо линию свою ведёт.

Надеюсь я, стихи мои,
О бедные! Пойдут по миру.

Любовь обман, она лишь кажет свет,
А тени прячет.

Перед лицом товарищей своих
Торжественно смеясь: – Ха! Ха!

Пылинки на солнце танцуют,
В мажорном аккорде сливаясь...
Природа снегом себя припудрила,
Солнцем румяна себе навела
И вся стоит без огреха,
В небо нацелены стройные ноги ореха.
Жизнь не вечна – это точно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.